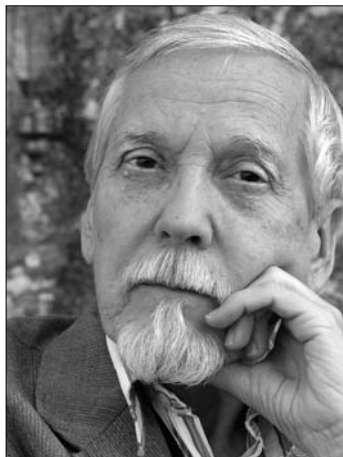

НИКОЛАЙ КОКУХИН

ПАРАД ПОБЕДЫ

РАССКАЗ

До полудня был туман, а потом выглянуло солнце, и океан сразу преобразился, став нежно-ласковым и такой насыщенной, яркой голубизны, что в это трудно было поверить — на материке такой цвет встретить невозможно. Солнцу доставляло большое удовольствие купаться в этой голубизне, расщепляя её серебряными искрами.

Кругом, куда ни глянь, великое множество “петушков”. Так моряки прозвали маленькие частные боты с парусом, который походил на гребень петуха. На таких судёнышках американцы выходили в океан, чтобы порыбачить или же просто отдохнуть на просторе. “Петушки” были разного цвета — красные, зелёные, синие, жёлтые, — они двигались в разных направлениях, но так, чтобы не мешать рыболовным судам.

Около одного из траулеров, который только что поднял трал с рыбой, кружились киты, надеясь полакомиться дармовой рыбой. Изредка они уходили в глубину, а потом шумно выныривали на поверхность и отфыркивались, как лошади. Небольшие, похожие на дельфинов, с гладкой лоснящейся кожей и широкими раздвоенными хвостами. Нельзя сказать, что им много перепало, но и не скажешь, что они оставались ни с чем.

Рыболовная флотилия уже около месяца вела лов скумбрии, окуня, хека на банке Georges-bank, вблизи берегов Америки; по ночам моряки хорошо видели зарево огней Нью-Йорка. Руководитель промысла Александр Григорьевич Петраков, находившийся на флагмане флотилии — плавбазе “Атлантика”, — находился в прекрасном расположении духа: рыбалка шла успешно,

---

КОКУХИН Николай Петрович родился в 1938 году в Красноярском крае. Закончил Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих книг. Лауреат премии “Имперская культура” имени Эдуарда Володина. Живёт в Москве.

все восемнадцать траулеров брали хорошие уловы. В непосредственной близости от русских судов океан бороздили траулеры Испании, Португалии, Англии, Польши, Германии, но Петракова это мало беспокоило — рыбы с избытком хватало на всех.

Капитаны больших морозильных траулеров подобрались как на подбор, настоящие морские волки, с большим опытом. С такими капитанами и работать приятно. А завтра День Победы, и надо его как-то достойно отметить. Кроме Петракова, на промысле было ещё несколько участников войны: Сергей Васильевич Серебряков, капитан “Полярной звезды”, бывший командир орудийного расчёта, кавалер нескольких орденов; Рябинин Павел Леонидович, старпом “Веги”, лётчик-штурмовик, сбивший около двух десятков “юнкеров”; несколько рядовых бойцов, которые трудятся матросами на разных судах, — всех и не упомнишь.

Петраков обеими руками пригладил волосы на голове. Надо как-то так всех поздравить, чтобы запомнилось. Александр Григорьевич крупно зашагал по рубке, а потом остановился у правого иллюминатора, с интересом наблюдая, как к двум соревнующимся в скорости “петушкам” присоединились ещё два, а вскоре ещё один, и теперь их соревнование походило на малую океанскую регату.

— До чего молодцы! — восхищённо воскликнул Петраков. — Морские джигиты! Посмотрите, что вытворяют! — обратился он к первому штурману и рулевому.

— Действительно, джигиты! — прищёлкнул языком первый штурман. — Чего доброго, и “Полярную звезду” скоро догонят!

— Догонят и перегонят! — уточнил рулевой.

— Вот тебе и “петушки — золотые гребешки”! — проговорил Петраков, отходя от правого иллюминатора и направляясь к левому. — А что, если... — Он остановился, как вкопанный, осенённый оригинальной мыслью. — Что, если завтра, в день Победы, в юбилейную, да ещё и круглую дату, провести здесь, в Атлантике, парад Победы. На Красной площади, как обычно, пройдут воинские подразделения, наводя страх и трепет на наших недоброжелателей, а тут — мирные промысловые суда.

Всё устроилось так, как и предполагал Петраков: начальник главка дал “добро”, капитаны траулеров высказались “за”. Девятого мая не только командный состав, но и рядовые матросы оделись в лучшую, праздничную одежду — об этом никто не объявлял, да и зачем объявлять, когда и так всё ясно.

Суда выстроились в колонну: впереди — плавбаза “Атлантика”, за ней — шесть рядов больших морозильных траулеров, в каждом ряду — три судна. Впечатляющая колонна! На целую милю! На корме каждого судна развевался флаг Родины! Гремела музыка — марш “Прощание славянки”, марш “Суворов”, “Марш победителей” Джузеппе Верди, гимн Михаила Глинки “Славься”, а также марши Моцарта, Чайковского, Прокофьева и других композиторов. Колонна шла на восток, в сторону любимой Отчизны.

Такого Атлантика ещё не видела!

Петраков стоял в рулевой рубке, рядом с капитаном Ястребовым и другими членами командного состава. Палубы всех судов были запружены свободными от вахты моряками.

“Разве мог я мечтать о таком событии?! — размышлял Петраков, глядя то вперёд, на растягивающуюся на много-много миль сверкающую гладь океана, то назад, на колонну траулеров, которая, соблюдая ровные, почти идеальные интервалы как с боковыми, так и впереди идущими судами, оставляя после себя редеющие струи дыма, продвигалась навстречу набирающему силу солнцу. — Даже думать об этом не мог! Какая радость сияет на лицах! Как преобразился Ястребов! Как он гордо смотрит на восток! Какая важность заключена в каждом его движении! А как рады матросы, механики, мотористы, пекари! Праздник растопил каждое сердце! Каждая душа полна ликования!”

— Идём малым ходом, — распорядился он по радиотелефону.

Вдруг слева по борту показался военный самолёт. Американец. Он сделал один круг над колонной судов, затем другой, круто развернулся и, прой-

дя низко над плавбазой и другими судами, исчез за линией горизонта. Не иначе — разведчик, наверняка что-то последует за этим. И в самом деле, не прошло и десяти-пятнадцати минут, как над колонной появился другой американец. Штурмовик, определил опытным глазом Петраков.

Самолет ушёл далеко вперёд, сделал разворот и, постепенно снижая высоту, пошёл в атаку на колонну, нацеливаясь, прежде всего, на флагманский корабль. С каждой секундой он приближался, увеличиваясь в размерах, вот уже можно различить пилота. Создавалось впечатление, что столкновения не избежать и штурмовик вот-вот врежется в плавбазу, но он не врезался, а пронёсся очень низко над ней, оглушив людей шумом двигателей; плавбаза задрожала от сильного удара воздушного потока.

— Ну, злодей! Ну, разбойник! — вслух произнёс Петраков. — Это называется психическая атака! Хочет напугать нас, разрушить колонну, испоганить парад. Посмотрим, кто кого!

Между тем штурмовик сделал новый заход и пронёсся над плавбазой и над траулерами на ещё более низкой высоте.

Если плавбаза, водоизмещение которой составляло более десяти тысяч тонн, зашаталась, как пьяная, то траулеры затрясло, как во время серьёзного шторма.

— Курса не меняем! — скомандовал Петраков, сжав микрофон так сильно, что побелели костяшки пальцев. — Право, лево не ходить! Не падайте духом, братья! И не такое с нами бывало!

— Снова заходит! — наблюдая за штурмовиком в бинокль, доложил Ястребов.

— Бандит он и есть бандит! Увеличиваем ход до среднего!

Буруны, оставляемые винтами судов, заметно побелели.

Штурмовик пронёсся над колонной ещё раз.

Петраков вызвал на связь “Полярную звезду”, с капитаном которой его связывала давнишняя дружба и в стойкости которого он несколько не сомневался.

— Сергей Васильевич, как ты, дорогой?

— Держусь! Нам, старым солдатам, не впервой держаться! Если бы он, бандюга, знал русский характер, то не стал бы затевать эту катавасию.

— Не на тех напал.

— Вот именно. Покуражится, покуражится, да и уйдёт ни с чем.

— Я тоже так думаю.

— Команда как?

— Как капитан, так и команда.

— Молодцы!.. Приказ для всех судов — полный вперёд! Во время одной из очередных атак морозильный траулер “Винсент Ван Гог” не выдержал и покинул колонну, образовав в ней брешь. Петраков тут же вышел на связь с молодым капитаном, который совершал свой первый самостоятельный рейс:

— Вадим Юрьевич, я от тебя этого не ожидал!

— Я тоже от себя этого не ожидал, — честно признался капитан. — Нервы не выдержали! Последний раз, когда он проходил надо мной, мне показалось, что я умру.

— Но ведь не умер?

— Пока нет.

— Собери свою волю в кулак и держись! Как Нахимов! Как Макаров! Они побеждали врага, и мы победим!

— Всё это так, но...

— Что “но”?

— Команда ропщет... Нервишки... Один матрос сдрейфил и хотел кинуться за борт; хорошо, что ребята вовремя заметили и скрутили ему руки... А что было бы... да об этом и говорить не хочется...

— Вспомни Родину, вспомни Москву, там сегодня уже был парад, да такой, что...

— Знаю...

— Нам нельзя посрамить флаг Отчизны. Тому параду никто не угрожал, вражеские самолёты не пикировали... А у нас — иное... здесь, у берегов

Америки, почти настоящая война. — Петраков помолчал, давая возможность капитану переварить сказанное. — Мы русские, нас не взять голыми руками! Кто против русского идёт, тот огненные уголья высыпает себе на голову! Не нашлась ещё на земле такая сила, которая одолела бы русскую силу! Так что, Вадим Юрьевич, не позорь ни себя, ни нас...

— И на старуху бывает проруха.

— Бывает, не спорю. Вставай в строй, капитан.

— Слушаюсь, товарищ руководитель промысла.

Петраков подошёл к иллюминатору и увидел, как “Винсент Ван Гог” делает маневр, чтобы занять место, которое он недавно покинул.

Моряки звали Александра Григорьевича Петракова асом Атлантики. И не зря. Он посвятил ей последние тридцать лет своей жизни и знал все её особенности, повадки, капризы, знал, в каком районе Атлантики, в каком квадрате водится та или иная рыба, знал время её появления и миграции; знал как южную, так и северную Атлантику, но лучше, пожалуй, северную, так как здесь чаще всего ловил рыбу; хорошо знал один из самых трудных районов вблизи полуострова Лабрадор, где лов рыбы частенько проходил в очень сложных условиях, во льдах, — трески тут было много, но и льда немало, в этих условиях могли работать только суда с усиленным корпусом.

Первый раз много лет назад Петраков вышел в море в качестве рядового матроса, узнал, что такое фунт морского лиха, что такое десятибалльный шторм, когда траулер мотает с боку так, что света белого не видишь, и это могло продолжаться несколько суток подряд; узнал, что такое матросская вахта и подвахта, что такое аврал, когда хорошо шла рыба и приходилось простаивать у рыбодола по многу часов и шкерить, шкерить треску, а ей нет ни конца, ни края.

Больше всего мучило постоянное недосыпание, когда хотелось спать в любое время суток. Кажется, такой режим выдержать невозможно, но он каким-то чудом выдерживал, как выдерживали и другие матросы.

Вскоре он поступил в Высшее морское училище рыболовного флота. Как участника войны его приняли вне конкурса. Выбрал судоводительский факультет — хотелось научиться водить рыболовные траулеры по морским просторам.

Каждый год после весенней сессии он выходил в море на практику под руководством опытных судоводителей. А через пять лет, получив диплом об окончании училища, вышел в первый самостоятельный рейс — четвёртым помощником капитана.

Быстро летели годы, и вот наступил момент, когда он стал капитаном большого морозильного траулера. А если точнее, то капитаном-директором, потому что он не только водил судно, но и ловил рыбу. Очень скоро о нём заговорила вся Атлантика как о думающем, инициативном капитане, для которого не существовало трудностей — он находил рыбу там, где другие опытные капитаны никогда о ней и не слыхали. Поговаривали о его необыкновенном чутье, которое его выручало, другие говорили, что он родился в рубашке, — везёт человеку, только и всего.

А дело совсем в другом. Прежде чем выйти в море, Петраков тщательнейшим образом готовился к рейсу, анализируя обстановку как в районе предполагаемого промысла, так и в других местах. Кроме того, он всегда брал в море ихтиолога Карасёва, с которым познакомился ещё в училище и с которым разработал новый, прогрессивный метод охоты за рыбой. Их сотрудничество приносило поразительные результаты — тралы приходили на слип судна всегда или почти всегда с хорошей добычей.

И ещё один момент, который мало кто учитывал, но без которого успех невозможен: команда траулера была как бы единой дружиной семьёй. Каким образом удавалось капитану сплотить разношёрстный состав в единый монолитный организм, не знал никто, но факт оставался фактом.

Более пятнадцати лет командовал Петраков большим морозильным траулером “Модест Мусоргский”, а когда его назначили капитаном-директором плавбазы, он расстался с ним, как со своим лучшим другом.

На плавбазе проработал всего несколько лет, а затем начальник главка поручил ему новую, более ответственную работу — должность руководителя промысла. Теперь Петраков отвечал не за одно судно, а за многие. Здесь его организаторский талант блеснул новыми гранями, и молва по всей Атлантике пошла такая, что, мол, если Петраков возглавил промысел, будь то в начале весны, в разгар лета или в зимние месяцы, то о выполнении плана как отдельными судами, так и главком в целом нечего и беспокоиться.

Дуэль продолжалась уже не менее получаса, штурмовик ушёл в сторону от колонны, и Петраков подумал, что спектакль подошёл к концу, но ошибся. В небе появился ещё один военный самолёт, такой же, как и первый, который промчался высоко над колонной, держа курс на восток.

Оба самолёта, совершив подготовительный манёвр, кинулись, как два хищника, на судовую колонну. Они шли рядом, бок о бок, приближаясь с каждой секундой к колонне, и шум их двигателей всё нарастал. Петраков ожидал их приближения, стоя у переднего широкого и длинного иллюминатора, сжав кулаки и стиснув зубы.

Самолёты пронеслись всего в пятидесяти-шестидесяти метрах над колонной, обдав их рёвом двигателей и запахом выхлопных газов; плавбаза, а особенно траулеры закачались, как во время непогоды.

— Право, лево не ходить! Так держать! — проговорил в микрофон Петраков, стараясь, чтобы его голос не дрогнул и не выдал его внутреннего волнения.

Самолёты между тем, вернувшись на исходную точку для атаки, снова приближались к колонне. И когда они поравнялись с плавбазой “Атлантика” и их рёв, казалось, расплющил её, Петраков воскликнул:

— Господи, помилуй!

Эти же слова он прокричал в сорок третьем, когда танк, которым он командовал, вёл неравный бой с тремя немецкими “пантерами”. Его танк шёл впереди пехоты, поражая огневые точки противника и расчищая ей путь. На опушке леса замаскированный немецкий орудийный расчёт вёл непрерывный огонь по цепям наших наступающих солдат, и им пришлось залечь. Быстро сориентировавшись, Петраков занял удобную позицию и одним точным выстрелом уничтожил орудийный расчёт.

Наступление продолжалось.

На высокой скорости Петраков миновал разрушенную мельницу, засады в ней, к счастью, не оказалось, и выскочил к хутору, состоящему из жилого дома и нескольких подсобных строений. И ахнул: из недалёкого лесочка показались сразу три немецких “пантеры”. За ними двигалась пехота.

— Господи, помилуй! — воскликнул Петраков.

Эти слова возникли как бы сами собой, как вдох или выдох.

— Огонь! — заорал он и в следующую секунду увидел, как головная “пантера” замерла на месте, поражённая метким снарядом, и сильно задымила — наводчик Фигуровский был, как всегда, на высоте.

— Скорость не сбавляем! — крикнул Петраков. — Следующая мишень — левая!

У Петракова, точнее, у его танка был важный козырь: непробиваемая броня, чего нельзя было сказать о “пантерах”. В следующую секунду по машине, словно кувалдами, застучали вражеские снаряды. “Врёшь, не возьмёшь!” — мелькнуло в голове командира.

— Огонь! — снова заорал он, когда танк, совершив очередной неожиданный манёвр, выскочил из-за жилого дома.

Вторая “пантера”, словно загнувшись, прекратила движение, уткнувшись носом в глубокую яму. Третья, почуяв неладное, сбавила ход и тем самым усугубила свою участь: очередной меткий снаряд вывел её из строя; пламя охватило башню, и теперь “пантера” не представляла никакой опасности ни для Петракова, ни для пехоты.

Всё было кончено в каких-нибудь несколько минут.

— Право по борту судно! — доложил вахтенный штурман.

“Наверняка американский эсминец или ракетный крейсер, — предположил Петраков, направляясь к правому иллюминатору. — Пришёл на помощь штурмовикам”.

Каково же было его удивление, когда он увидел восьмипалубный круизный лайнер-красавец “Королева Виктория”, направляющийся из Нью-Йорка в Барселону с туристами на борту. Они заполнили все палубы левого борта, наблюдая за редким зрелищем.

— Смотрите! — закричал вахтенный штурман. — Смотрите! Наши туристы!

Петраков взял бинокль и на одной из палуб, то ли шестой, то ли седьмой, увидел несколько человек, которые размахивали российским флагом!

Как взыграло сердце у старого солдата! Как он обрадовался, увидев это зрелище! Как он был благодарен этим русским людям, которые поддержали дух не только его, руководителя парада, но и всех моряков без исключения. Петраков не относился к людям сентиментальным, но даже у него, немало пережившего на своём веку, на глазах показались слёзы. Он отвернулся, чтобы никто не заметил его маленькую слабость, и ладонью смахнул навернувшиеся слёзы.

— Отдать честь русским патриотам! — приказал он.

В то же мгновение над океаном разнесся громкий, зычный, густой гудок флагманского судна. Его тут же подхватили гудки абсолютно всех траулеров.

Такого Атлантика ещё не слыхала! Гудки морских судов слились в торжествующую симфонию, заполнив, кажется, весь океан. Она звучала долго, до тех пор, пока красавец-лайнер не отошёл на порядочное расстояние.

Штурмовики прошли плавбазу и, поравнявшись с “Полярной звездой”, неожиданно взмыли круто вверх и ушли в сторону Америки. Петраков подумал, что это ещё один, пока непонятный манёвр воздушных пиратов, и они наверняка через некоторое время появятся снова, но, к его большому удивлению, самолёты не появились ни через пять минут, ни через десять, ни через полчаса.

— Вот то-то же! — воскликнул он. — Это вам не Голливуд, а парад Победы!